

лости. Глубина этой самобытной иронии еще пред нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всеми европейскими воспитаньями, мы и тут отделились от родного корня. Наклонность к иронии, однако ж, удержалась, хотя и не в той форме. Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось, вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить, свойство — над чем-нибудь истинно посмеяться»¹³.

«Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения»¹⁴.

В течение долгого времени я рассматривал свое собирательство как занятие, имеющее сугубо личное значение. Но в какой-то момент, просматривая вновь и вновь собранные материалы, группируя их по различным признакам, я увидел, что разрозненные, казалось бы, суждения отдельных авторов, споривших или соглашавшихся с кем-то, перестают быть случайным нагромождением фактов, а все более и более приобретают черты законченности, становятся совокупностью связанных между собою суждений, совокупностью, обладающей в силу этого определенной целостностью и единством. Единство этой совокупности не механическое, а диалектическое, единство противоположностей, дополняющих и отрицающих друг друга, что позволяет видеть в собранной информации о русском национальном характере больше, чем простую арифметическую сумму входящих в нее суждений. Можно сказать, что, собрав воедино распыленные ранее по бесчисленным источникам суждения, мы как бы делаем первый шаг в подведении итога многовекового, иногда стихийного, но чаще целенаправленного изучения конкретных черт и свойств русского национального характера и получаем не сырой материал первичных социологических наблюдений, а обобщенные выводы, принадлежащие деятелям прошлого, обладавшим большим жизненным опытом и знаниями, наделенным интуицией.

Все изложенное выше позволяет мне высказать предположение, что комплексное исследование суждений отечественных и иностранных деятелей о чертах и свойствах русского национального характера более чем за тысячелетний период развития Руси, проведенное с обязательным учетом современных достижений истории, этнографии, экономики, социологии и других наук, могло бы стать одним из подходов к изучению русского национального характера.

Не исключено, что предлагаемый подход окажется пригодным и для изучения национального характера других народов мира.

Введение собранных материалов в научный оборот сделало бы их доступными для заинтересованных научных и практических работников.

¹³ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Гл. XXXI. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Полн. собр. соч. в 14 тт. Т. 8. М., 1952. С. 395.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Бэла. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. М.; Л., 1957. С. 223.

А. А. Лебедева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ И МИНЕРАЛОВ РУССКИМИ СИБИРИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

Человек и человеческое общество — органическая часть природы, закономерный результат и высшая ступень ее эволюции... Человек преобразует природное вещество в продукты в соответствии со своими потребностями¹.

¹ Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа. М.: Наука, 1981. С. 6.

Среди проблем взаимодействия общества и природы особый интерес представляет проблема сохранения и развития традиционных приемов использования естественных ресурсов. Природные ресурсы служили резервом для расширения производящего хозяйства, необходимым, весьма ценным дополнением к питанию, использовались как средство врачевания и в хозяйственных целях — для получения красителей и дубителей.

Богатый материал для освещения подобных вопросов дают этнографические исследования среди русского населения Сибири. Данное сообщение написано в значительной степени на материалах, собранных во время длительных экспедиционных работ автора в Забайкалье, Притоболье и на Алтае; привлечены также архивные материалы и публикации. Из последних отметим монографию М. Д. Торэн «Русская народная медицина в XIX — начале XX в.» (ИНИОН, 9425), в основу которой положены полевые сборы автора в Ленинградской, Кировской и Новгородской областях, на Северном Кавказе, Украине, в Сибири. Основное внимание в работе было уделено выявлению специфики русской народной медицины и ее общности с медициной украинцев и белорусов.

Отметим также первое по времени этнографическое исследование, проведенное политическим ссыльным А. А. Макаренко в Ужурской волости Енисейской губ., где дается детальное описание народных способов лечения, применявшихся русским населением волости, а также рассказывается о его красильном искусстве в конце XIX в.

В 1915 г. была опубликована работа по народной медицине в Нижнеудинском уезде, написанная сибирским этнографом Г. С. Виноградовым. Обе работы были отмечены медалями Русского географического общества как имеющие практическое значение².

Традиционные приемы использования естественных ресурсов русскими переселенцами в новой среде обитания — Сибири XIX — начала XX в. уже были рассмотрены мною ранее³.

Пища. На протяжении многих тысячелетий люди употребляли растительную пищу и постепенно познали многие свойства растений и трав. Первые русские поселенцы Сибири были хорошо осведомлены о флоре осваиваемых земель. Эти знания приобретались собственным опытом и перенимались от аборигенного населения, в соседстве с которым русские поселялись в разных природных зонах Сибири. Весенняя дикорастущая зелень — природная крестьянская кладовая. Свежая лесная кисличка вместе со щавелем и молодыми листьями горца змеиного была для наших предков первым природным гостинцем. Когда-то деревенские жители радовались встрече Маврина дня, «угощавшего» всех зелеными щами. В народном месяцеслове этот день, 16 мая, так и прозвали «Мавра — зеленые щи».

Ранней весной по берегам рек Енисея и Абакана крестьяне выкапывали железным копачом корни многолетнего растения *кандык* (*собачий зуб*). Их промывали и ели в сыром виде или варили в молоке — получалось вкусное сладковатое кушанье. Корни кандыка сушили, заготавливая впрок. Употребление этого растения в пищу русские переняли от аборигенного населения.

Население Сибири в большом количестве употребляло в пищу дикий чеснок — *черемшу* или *колбу* в свежем и соленом виде. Черемша — раннее весеннее дикорастущее растение, издавна собираемое населением Сибири. Крестьяне в большом количестве заготавливали (засаливали) ее для зимнего стола и возами отправляли на горные рудники и заводы рабочим.

Помимо черемши в Сибири издавна широко употребляли в пищу дикорастущие луки *слизун*, *мангир*, сладкий лук *гранчатый* и горный чеснок. Начиная с XVII в. с появлением русских в Сибири стали выращи-

² См. Материалы для народного календаря русского старожилго населения Сибири//Записки Тулуновского отд. общества изучения Сибири. Иркутск. 1918.

³ Лебедева А. А. Собирачество в быту русских крестьян Сибири//Общество и природа. М., 1981. С. 309—317.

вать репчатый лук и чеснок с головкой. Но тем не менее дикий лук и чеснок до сих пор заготавливается населением.

Большим подспорьем к столу и одновременно лакомством была и остается лесная ягода. Сады в Сибири и сегодня встречаются не так уж часто. «Черную смородину около домов не садили раньше,— говорили нам во время одной из экспедиций в с. Мангут Читинской области,— все ходили собирать ягоду по падам».

Черника, клубника, голубика (*шикша*) или гонобобель, лесная смородина — черная, красная и белая (*моховка*) — составляли и летнее лакомство и заготавливались для зимы. Особый вид красной смородины — кислицу собирали поздней осенью, когда «ударит» иней. Зимой собирали и замороженную ягоду облепихи, стрясая ее с колючих веток на разостланную ткань. Из ягод облепихи варили кисели к праздничному столу.

В большом количестве в лесных районах Сибири заготавливали впрок до весны ягоды брусники и клюквы, нередко оставляя их на зимнее хранение в тайге в больших берестяных «чуманах», опущенных в специальные закрываемые ямы. Ягода в ямах хорошо сохранялась всю зиму. Зимой ее по мере надобности привозили домой мужчины, когда ходили на охоту. Хранили бруснику и клюкву также в погребах вблизи дома. Из ягод варили кисели.

Раньше в Сибири по берегам рек было много черемухи, и она до зимы сохранялась на деревьях. Зимой стрясать — «колотить» ягоду черемухи ходили на лыжах. Разметали снег на льду реки у подножия черемухи, ударяли по стволу обухом, и ягоды сыпались на разметенный лед. Ягоду черемухи сушили и размалывали в муку. Зимой муку разводили водой, ставили на ночь в печь, чтобы мука «рассолодела», и ели с хлебом. Еще не так давно черемуховую муку, развесную или расфасованную в пакеты, можно было купить в Сибири в магазинах. Как приправа черемуховая мука подавалась в столовых с блинами и оладьями, использовалась как начинка для пирогов.

Раньше, по рассказам старожил, в Сибири не было принято перерабатывать ягоды с сахаром: сахар был дорог. Ягоды употребляли в свежем виде или сушили. Ягоды калины, голубики и *боярки* сушили в печи, на противнях или на печи, на капустных листьях, прикрыв их теми же листьями, высушенную ягоду толкли в ступе и употребляли для начинки пирогов, шанег, тарок. Иногда сухую целую ягоду распаривали в глиняных горшках в «вольном духу» печи и ели с хлебом или использовали как начинку.

Особый интерес представляет дикая сибирская яблоня, дающая мелкие плоды, сидящие пучками в пять — восемь плодов. Осенью после первых ночных заморозков плоды яблони становятся мягкими и утрачивают кисло-терпкий вкус. Тогда они делаются излюбленным лакомством детей. Хозяйственный сбор диких яблок проводят до заморозков. Твердые плоды срывают вместе с плодоножками, связывают нитками в пучки по 10—15 плодов, укладывают в посуду и заливают горячим маринадом. Через месяц маринованные обмякшие плоды, приобретшие специфический, очень приятный освежающий вкус, используются как приправа к мясным блюдам.

Раньше на просторах Забайкалья в изобилии росли оранжевые лилии — луковичное растение, называемое здесь *саранка*. Осенью, когда землю сковывал мороз, сельские жители с мешками за плечами и со специальным копачом, называемым *копаруля*, отправлялись копать сладкие луковицы саранки; они отыскивали кладовые сусликов и мышей с запасами саранки и забирали их. Зимой, очистив и промыв луковицы, их складывали в глиняный горшок или чугунок и парили в печах. Пареные луковицы ели с хлебом. К праздничному столу подавали очищенные луковицы, запаренные в молоке. Употребление в пищу луковиц саранки было заимствовано русскими от бурят. Буряты с давних времен употребляли распаренные луковицы саранки как приправу к молочным и мясным кушаньям, а из сушеных луковиц делали муку, которую ели в

заваренном виде — *саламат*. Теперь это растение стало в Забайкалье большой редкостью.

При недороде зерновых хлебов крестьяне добавляли в муку перемолотые семена лебеды, а ранней весной нежными ее побегами сдабривали мясную похлебку вместо кислой капусты. Следует отметить, что очищенные от оболочек семена лебеды при размоле давали вполне съедобную муку, правда, немного горьковатую. Хлеб, испеченный из лебеды, в горячем виде несколько утрачивал горечь.

Архивные документы⁴ свидетельствуют об использовании в Забайкалье во время голода трав в пищу. Так, жители деревень долины реки Унды в тяжелые голодные (1877—1879) годы пекли хлеб из очищенного и размолотого зерна травы *повелицы* и лебеды, причем мука из повелицы считалась лучше. Повелица и лебеда признавались жителями безвредными для здоровья. Использовали на муку и семена просвирника, а также выводковые почки чистяка весеннего, которые дождь и ветер иногда скапливали в большом количестве в низинах. Крестьяне называли эти почки *небесной пшеницей*, *пшенкой*. На муку в тяжелые годы перемалывали и высушенные корневища иван-чая (кипрея). Из кипрейной муки пекли лепешки, добавляли ее и к ржаной муке, отчего хлеб делался сладковатым. Отсюда народные прозвища кипрея — *хлебища* и *мельничник*. Молодые листья кипрея (*лепушковые яблоки*) шли на салаты. Кипрейный же мед, как уверяют знатоки, самый сладкий. Лесоводы называют кипрей первопроходцем и новоселом, потому что он первым появлялся на вырубках и на гарях в соседстве с первыми поселениями русских в Сибири. Цветы кипрея повсеместно употреблялись как заварку, особенно старообрядцы, считавшие чай греховным напитком.

Кроме кипрея в Сибири использовали как заварку цветы зверобоя, ароматную душицу и листья бадана. Заварка из бадана заимствована русскими от бурят. В ряде селений русские переняли и способ приготовления чая из отвара листьев бадана с молоком. Бадановый чай считается отличным жаждоутоляющим напитком, причем для заварки используют отмершие, сухие листья, которые у бадана не опадают, а остаются на стебле. Как заварка употребляется также чага — нарост на березе, достигающий трех—пяти килограммов. Чай из чаги пьют охотники, сборщики ягод и орехов, а также участники экспедиций в тайге.

У сибиряков в большом почете душица пряная. Молодые листья и соцветия ее добавляют в вареное мясо и домашние колбасы для улучшения их вкуса. Великолепен квас, настоянный на душице. Она использовалась при засолке огурцов и грибов.

Темно-красные цветы просвирника применялись для окраски вин и других пищевых продуктов, а также в парфюмерии; из семян пастушьей сумки русские крестьяне умели готовить острую приправу наподобие горчицы.

Комплексом полезных свойств известна в народе многолетняя трава гравилат, в старых травниках называемая *гвоздичный корень*. В домашнем обиходе гвоздичным корнем пользовались при самых разнообразных надобностях. Его клали в бочку с пивом, чтобы не скисал напиток. Сухие корни гравилата, положенные в платяной шкаф от моли, придают одежде приятную отдушку.

С давних времен большим подспорьем в пище были грибы. Но по установившимся традициям в разных местах их употребление было различно. В Сибири русские собирали лишь грузди и рыжики для засолки. Коренные жители Сибири грибов не ели, что, видимо, повлияло и на отношение к грибам русских, поселившихся там.

Для Сибири характерна была выгонка смолы из лиственницы. Среди населения таежных районов было распространено жевание лиственничной смолы, так называемой *серки*. Приготовлением серки занимались

⁴ Архив Гсогр. о-ва СССР. Р. 58. Оп. 1. Д. 13 (*Пахомов П.* Голод в долине реки Унды).

обычно старики, хорошо умевшие находить подходящие деревья, которые срубали весной, в период движения соков. Со ствола срубленной лиственницы снимали кору со слоем смолы. В домашних условиях кору, сложенную в специальную глиняную посуду, разогревали в русской печи и извлекали серку. Полученную массу раскатывали колбасками или круглыми каравайчиками и в таком виде хранили для собственного употребления или продавали односельчанам. До недавнего времени жевательную серку продавали на сельских, а раньше и на городских базарах.

Собирательство у русских Сибири в основном было для собственного потребления. Только в ряде мест, где был избыток ягод и имелись условия сбыта, сбор брусники, клюквы, черемухи имел промысловое значение. Издавна в Сибири большое промысловое значение имел сбор кедровых орехов, которые в конце XIX в. составляли довольно важный источник дохода населения. Теперь заготовка кедровых орехов из-за вырубki кедров с каждым годом заметно сокращается.

Массовый сбор кедровых орехов проводился в сентябре, но ходили за ними и зимой на лыжах. Теперь успевают в сентябре очистить все кедры от шишек — так много людей устремляется за орехом, а число плодоносящих кедров в Сибири сильно уменьшилось.

Кедровый орех — «сибирский разговор» — был неприменным лакомством молодежи и взрослых в долгие зимние вечера. Большим подспорьем в питании сибирского населения служило кедровое масло, получаемое из орехов в домашних условиях. Из просушенного в печи ореха выжимали масло на самодельных прессах. Если его жали из неочищенного ореха, то выжимки — жмых скармливали скоту, а из чистых ядер помимо масла получали «сбоину», напоминающую сливочное масло. Сбоиной забеливали чай, ели ее с хлебом⁵.

Народная медицина. На протяжении многих столетий накапливал народ опыт использования растений в лечебных целях. В XVII в. русское население Сибири уже знало и широко использовало ревеня, волчий корень, зверобой, черемшу, сосновую хвою, березовые почки и другие растения. В Москве сведения о свойствах ряда лекарственных трав были получены впервые от сибиряков. Прибывшие в Москву с соболиной казной из Сибири казаки в марте 1636 г. рассказали о лечебных свойствах зверобоя и о том, где он растет, как заготавливается для лекарственных целей. Вскоре в Сибирь было послано распоряжение заготавливать муку из зверобоя и ежегодно присылать по пуду в приказ дворца в Москву. Несколько позднее приказывалось ежегодно отправлять в Москву по 2 пуда сухого зверобоя и по 2 пуда волчьего корня (аконит высокий), который в народе называли еще царь-зелье за лечебные свойства.

О хорошем знании сибиряками лечебных свойств различных трав и использовании их для помощи больным свидетельствует отправленная в 1674 г. в Москву роспись лекарственных растений, составленная Семеном Епишевым. В ней указаны названия растений, места их произрастания, способы приготовления лекарств и дан перечень болезней, при которых, как он полагал, их следовало применять. О ценности растительных лекарств, открытых народом, писали в XVIII в. академик И. И. Лепехин, П. С. Паллас и другие лица, изучавшие Сибирь.

Неизвестная в Западной Европе белена, обладающая наркотическим действием, экспортировалась из Сибири и ценилась так высоко, что обменивалась на равный вес серебра.

Иногда сибирских знатоков лекарственных трав вызывали на работу в Москву. Так, в 1663 г. был взят в Аптекарский приказ мастер по лечебным составам из трав Ерофей Мухановский⁶.

⁵ Более подробно о собирании и использовании кедрового ореха в Сибири см.: Лебедева А. А., Сафьянова А. В. Промысел кедрового ореха в Сибири // СЭ. 1979. № 4. С. 107—117.

⁶ Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита. 1954. С. 41.

Забайкальские степи и южные районы Западной Сибири покрыты полыню, отварами и настоями которой издревле лечили ревматизм, малярию и другие болезни. Лечебную полынь даже величали божьим деревом, очевидно, за необыкновенную декоративность и ароматичность.

Наблюдая за поведением животных, в частности маралов, сибиряки распознали лечебные свойства корней многолетника левзея, назвав это растение *мараловый корень*. Левзея вошла в научную медицину.

Издавна знали в Сибири противочинготное действие сока сосны, ели, березы, сосновой хвои и черемши, которая являлась универсальным средством для лечения и предупреждения различных заболеваний. Известный путешественник Крузенштерн в своей книге «Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг.» писал, что перед путешествием он вместе с провиантом получил три большие бочки черемши, оказавшейся хорошим противочинготным средством. Черемшу в лечебных целях употребляли в свежем и соленом виде, а также в виде отвара из молодых листьев. При цинге черемшу не только ели, но и натирали ею тело, особенно подошвы ног⁷.

В 30-х годах нашего столетия в чесноке были обнаружены вещества, подавляющие название фитонцидов, способные убивать многие болезнетворные микробы. Современная медицина установила, что настоем чеснока полезен при лечении гипертонии и атеросклероза. Свойства чеснока, издавна известные в народе, проверенные и принятые наукой, завоевали ему огромную популярность. Чеснок употребляли не только свежим и соленым, но и поджаренным и распаренным. Жареный чеснок охотно употреблялся старыми людьми как общеукрепляющее средство. По словам забайкальских крестьян, чеснок «кровь разгоняет, греет»⁸. В распаренном виде его прикладывали к мозолям как смягчающее и утешающее боль.

Важное практическое значение имела и имеет высокая витаминная активность хвои. Хвою сосны издавна широко используют для получения настоев. Высушенная и стертая в порошок хвоя употреблялась в Забайкалье как детская присыпка, а смешанная с лиственничной смолой — как пластырь на раны и язвы.

Широко применялись в народной медицине средства, обладающие бактерицидными свойствами. Для лечения чирьев и ран употребляли *живицу* (смолу) сосны, ели, лиственницы, назвав это средство *пластырь тягучий*, а использовавшиеся в тех же целях самоотделяющиеся тонкие слои бересты называли *живучий пластырь*. Как жаропонижающее средство употребляли глину, вместо горчичника — корни хрена и отвар лютика едкого. Накануне праздника Ивана Купалы из лютика едкого и других лесных трав вязали веники и ими «на здоровье» парились в бане. Смола лиственницы, сваренная с конопляным маслом, употреблялась в Забайкалье как пластырь.

Эпидемические заболевания прошлых веков, уносившие много рабочих рук, требовали принятия соответствующих мер. Для сбора лечебных растений в Сибирь снаряжались экспедиции в XVII, XVIII и XIX вв. Кроме того, для выращивания лекарственных растений создавались огороды. По указу Петра I, в начале XVIII в. были созданы огороды, называемые аптекарскими, в Москве, Петербурге и в некоторых местах Сибири. В первой половине XVIII в. на горных заводах и рудниках Алтая имелись сады лекарственных растений при госпиталях, где за ними ухаживали сами больные. Владелец рудников и заводов на Алтае А. Демидов в первой половине XVIII в. открыл в Барнауле аптеку, которая долгое время была единственной казенной аптекой в Сибири. Лекарства для нее большей частью готовили на месте из трав, собираемых в аптечном саду. В XIX в. аптечные сады были организованы в Чите декабристом Д. И. Завалишиным и в Нерчинске М. А. Зензиновым.

⁷ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб., 1755. С. 201.

⁸ Осокин Г. М. На границе Монголии. СПб., 1906. С. 295.

Декабристы Ф. Б. Вольф и М. К. Кюхельбекер, жившие на поселении в Забайкалье, изучали местные лекарственные растения и пользовали ими больных.

На протяжении столетий вырабатывались определенные навыки, складывались традиции сбора и сушки растений. Травы собирали в период их наибольшего цветения и только в сухую погоду. Массовое же цветение многих растений совпадает с праздником Ивана Купалы. По народному поверью, широко бытовавшему у восточных славян, в этот день травы обладали особой целебной силой. Цветущие растения, собирались в полдень, когда нет росы, так они лучше сохранялись. Некоторые травы заготавливали в новолуние, веря, что растения накапливают активные вещества ночью под влиянием лунного света.

Ассортимент трав, употребляемых как лекарственные, только на территории Забайкалья насчитывает 250 видов растений⁹. Многие из народных средств проверены практикой нескольких поколений. Так, лучшим лекарством от болезни горла считалась лапчатка серебристая, которая в народе получила название *горлянка*¹⁰.

С глубокой древности как успокаивающее применяли корень валерианы. Настой (цветов и плодов) боярышника использовали при бессоннице, одышке, сердцебиении и как успокаивающее средство при нервном возбуждении. Настойка цветов и жидкий экстракт плодов боярышника используются современной фармакологией. Они входят в препарат кардиовален. Из народной медицины в качестве сердечных средств взяты майский ландыш, горицвет весенний, а также пустырник. Пустырник в народе назывался *сердечник*, *сердечная трава*. Как успокаивающее средство использовалась в народе так называемая сон-трава. Ее называли также прострел и употребляли как растирание при ревматизме — «ломотных страданиях». Попутно отметим прямо не относящийся к основной теме статьи факт. В Забайкалье для лечения ревматизма употребляли жир, вытопленный из байкальской рыбы головнянки, при легочных заболеваниях его пили с молоком.

В народной медицине издавна применялись отвары и настои из крапивы, медуницы и пастушьей сумки как кровоостанавливающее и заживляющее раны средство. Свое название пастушья сумка получила от формы плода, напоминающего сумку пастуха. В народных говорах это растение называют еще *кошелишка*. Исстари известны русским целительные свойства тысячелистника, за удивительные свойства называемого также *крававник*, *порезник*. Именно его прославляют русские летописи, повествуя об исцелении Дмитрия Донского.

Универсальным средством при желудочно-кишечных заболеваниях издавна считались настои или отвары зверобоя, мяты перечной, тысячелистника, бессмертника (иммортели). Народные лекари добавляли зверобой почти во все лекарства, настолько разнообразен химический состав этого растения. В наше время из зверобоя получен антибиотик иманин.

В Забайкалье с давних времен используют корни дикорастущего пео́на для изготовления болеутоляющего средства при желудочных болях.

При лечении ожогов и нарывов употребляли тертый сырой картофель и свежий лист подорожника, а для заживления ран — мазь из цветков ноготка лекарственного (календула) и сок листьев подорожника большого. Отваром из цветов шиповника пропитывались повязки, накладываемые на раны для их заживления, а отваром из его плодов обмывали края раны, чтобы избежать гангрены. К этой же группе целителей можно отнести растение с приятным запахом — мелкую ромашку.

В Западной Сибири при порезах использовали сок репейника как средство, дезинфицирующее и способствующее заживлению ран¹¹.

⁹ Петряев Е. Д. Витаминносители и лекарственные растения Забайкалья//Наш край. Чита, 1954. С. 62, 65.

¹⁰ Горэн М. Д. Использование дикорастущих растений в русской народной медицине. М., 1964. Доклад на VII МКАЭН в 1964 г.

¹¹ Герасимов Б. В долине Бухтармы//Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского РГО. Вып. 5. Семипалатинск, 1911. С. 77.

Трава пармелия степная, называемая в народе *порезная трава*, — быстродействующее кровоостанавливающее бактерицидное средство для обработки ран. Паста с порошком пармелии, изготовленная местным врачом, успешно применялась в одном из госпиталей Западной Сибири во время Великой Отечественной войны.

Издавна в Забайкалье от кашля и при пневмонии употреблялся термопсис, а в 1931 г., по совету местных жителей, медики впервые заготовили эту траву. После изучения на ее основе был изготовлен отечественный препарат и отпала нужда в ипекакуане, привозимой ранее из Бразилии. В Забайкалье трава термопсис известна как *мышатник*; семена ее ядовиты и, истолченные и смешанные с хлебом, употреблялись против мышей.

Для растирания при невралгии, болезни суставов и для обработки ран в Сибири широко применялись отвары и настои чемерицы. Ядовитыми корнями ее, пропитанными сметаной, исстари морили в домах тараканов. В научной медицине СССР в 1968 г. из чемерицы был получен препарат локверин для лечения грибковых заболеваний.

Царь-травой величали в народной медицине аконит высокий за его целебные свойства. Важным целительным средством считают его и гомеопаты. Современная медицина применяет препарат из клубней аконита в мазях и растираниях при невралгии и ревматизме как болеутоляющее.

При нервных и грудных заболеваниях употребляли чай из соцветий и молодых побегов душицы.

Хорошо знали в народе череду, которой лечили золотуху, а потому и траву называли *золотушная*. Лечили золотуху также чистотелом, в науке носящим поэтическое название *ласточкина трава*, поскольку эта трава пробуждается с прилетом ласточек, а засыпает, когда они улетают.

В народе знали и умели ценить лечебные свойства короставника полевого. Народные врачеватели отварами короставника снимали коросту, отсюда и утвердившееся название, взятое ботаниками из народных говоров. Этот цветок в народе называли еще синявка, полевая астра и др.

Для лечения гипертонии в народной медицине широко использовались настои самой распространенной на земном шаре травы — спорыш. Название произошло от слова «спориться»: растение это по весне быстро растет и так же быстро размножается — каждая особь дает до 200 семян в год. Эта трава-мурава ежегодно зеленым ковром устилает сельские улицы. Народные лекари советовали парить с нею ноги от усталости — «когда оттопчут», отсюда и другое народное название травы — *топтул*. Длинный список благодетелей этой самой распространенной травы: вытяжки и настои из нее использовали при заболеваниях печени, почек и желудка, а мази — от некоторых кожных болезней. Спорыш входит в число лекарственных растений международного рынка и, надо полагать, заслуженно. Это растение имеет много локальных наименований. В ботанике называется *птичья греча* за то, что очень любимо всеми птицами и относится к одному семейству с посевной гречихой.

Целительные свойства гравилата признает как народная, так и научная медицина. Особенно богаты полезными свойствами корневища гравилата. В народе порошком из его корня (*репешка*) лечились от «зверинного кашля» — коклюша. Порошком из корней, смешанным со свиным салом, лечились от чесотки и «свербежных» сыпей. Народное прозвище — репешок происходит от плодовых головок с жесткими волосистыми, цепляющимися за все крючками¹².

Лечебные свойства березы (сок, кора, листья, почки) были известны в народе с незапамятных времен. Березовый сок — кровоочистительное средство и богатый напиток при подагре, цинге, ревматизме, артритях и различных заболеваниях кожи. Листья березы стерилизуют воздух; отваром из листьев лечат свежие раны, используют его как средство

¹² Стрижев А. Гравилат//Наука и жизнь. 1975. № 6.

от преждевременного выпадения волос. Березовый деготь лечит кожные болезни, бронхит, туберкулез легких¹³.

Чудо-ягодой называют в народе облепиху, в изобилии растущую в Сибири. Лечебные свойства ее были известны издавна. В современной медицине очень ценится масло из семян облепихи, способствующее заживлению ожогов, ран и исцелению других заболеваний. В наши дни сажены сибирской облепихи широко распространяются в садах многих регионов России.

Из сокровищницы народной медицины было взято немало прекрасно действующих лечебных средств. Одним из них является мед, широко применяемый в народной медицине как важное средство при лечении легочных заболеваний (с молоком и с внутренним жиром животных), слабости сердечной мышцы и стенокардии (грудная жаба), желудочных и кишечных, а также различных кожных заболеваниях (с пшеничной мукой в виде пластыря — медовой лепешки); при лечении ран (в союжении с рыбьим жиром). В наши дни пчелиный мед применяется также для лечения болезней глаз, внутренних органов, некоторых детских болезней и др.

Знаменитый русский ученый В. А. Манассеин говорил, что врачи лишь отчасти открывали лекарства сами, многому они научились у народа. Не менее трети всех применяемых сейчас лекарств вышли из недр народной медицины.

Сведения о методах народного лечения передавались из поколения в поколение. В процессе обработки различного растительного сырья люди замечали и осваивали их лечебные свойства. Так, коноплю и лен использовали не только на волокно и в пищу, но и для лечения (распаренное льняное семя прикладывали в качестве припарок, а масло льняное и конопляное употребляли при ожогах и пили при нарушениях работы кишечника).

Издавна применялись физиотерапевтические методы лечения, главным из которых была баня. О банях писали еще в летописях, отмечая полезность хлестания березовыми вениками и обливания холодной водой и квасом.

В Забайкалье для приготовления успокоительных ванн использовали шелуху и жмых кедровых орехов, смешанные с отрубями. При простуде парились в бане и секли тело крапивой.

Парная баня с каменкой справедливо признана хорошим средством для восстановления сил. Раскаленные камни, поливаемые водой, дают влажный пар, хорошо действующий на организм человека. В народе считали, что вода, нагретая раскаленными камнями, уничтожает и предупреждает чесотку. Хлестание веником является своего рода массажем. От простудных заболеваний в банях натирались различными снадобьями (тертой редькой, молодой крапивой, бодягой). Перед тем как парить в бане душевнобольного, баню окуривали душицей, бросая сухую траву на горячую каменку. Русская парная баня в Сибири до сего времени не утратила своего значения, и многие имеют семейные бани на усадьбах. Известно, что различного рода массажи и растирания, многие приемы гимнастики заимствованы из народной медицины.

Следует отметить, что наряду с положительными сторонами в народных способах лечения было много несовершенного, неправильного и они далеко не всегда давали хорошие результаты. Несовершенны были способы изготовления лекарств и дозировка их. Траволечение тоже может давать побочные эффекты и при неправильной дозировке оказываться даже опасным. Далеко не каждое недомогание можно излечить парной баней.

Иногда баня сильно ухудшала состояние больного, что пытались объяснить сглазом, действием злой силы. «Лечение» от сглаза обставлялось таинственностью и сопровождалось заклинаниями и заговорами.

¹³ Синадский Ю. Береза//Неделя. 1973. № 29. С. 19.

Магические приемы и заговоры при болезнях нервно-психического характера могли оказывать положительное успокоительное воздействие. Говоря о способах лечения, употребляемых в народной медицине, нельзя не упомянуть и о психотерапии, обычно принимавшей магический облик¹⁴.

Внутренние болезни, выражающиеся в общем недомогании, когда было трудно определить очаг болезни в организме, дали повод считать причиной заболевания действие злого духа, особенно если заболевание имело внезапный и острый характер. Примером изгнания злых духов болезни являлось окуривание — рациональный прием, послуживший началом дезинфекционных мер.

Народная медицина — неотъемлемая часть традиционно-бытовой культуры. Она несет большую этническую нагрузку, будучи одним из существенных компонентов культуры отдельных историко-этнографических регионов; пример русских поселенцев в Сибири в этом отношении весьма показателен.

Использование природных красителей и дубителей в народном быту.

В XIX в. сибирские крестьяне больше употребляли «своедельскую» одежду, изготовленную из холста, домашнего сукна, полусукна — *понитчины*. Холсты и сукна либо ткали из окрашенной пряжи, либо окрашивали уже готовую ткань.

В домашних условиях для окраски применялись преимущественно естественные красители. Широко использовались полевые цветы и травы, дававшие алые, красно-коричневые, бордовые, зеленые и другие цвета разных оттенков, очень стойкие — не выгоравшие на солнце, не блекнущие до износа материи. Для окрашивания пряжи и тканей использовали спелые ягоды черного паслена, цветы душистой ромашки, короставник полевой, душицу, подмаренник. Черную краску для холстов и сукна сибирские крестьяне получали из высушенной душицы; для прочности краски и усиления тона в отвар клали куски железа. В Тобольской губ. душицу называли *блошница* (ее приносили в избу от блох).

Красильщики очень ценили *калган*, поскольку это растение в соединении с железным купоросом дает стойкую черную краску, а с квасцами — красную. Корешками шавеля окрашивали шерсть в желтый цвет. Их выкапывали летом, отваривали в чугунах, и этот отвар использовали как краситель. Если в кипящий отвар клали кусок железа, то шерсть окрашивалась в коричневый цвет.

Превосходную желтую краску для шерсти давали листья и стебли травы *серпухи*, ольховые шишки. Отваром резеды окрашивали сукно в лимонно-желтый цвет. Трава *зеленица* — давала зеленую краску, а если требовалось ее поджелтить, то варили зеленицу вместе с серпухой и «жарким» цветками; в отвар опускали узелок с золой. Пряжа и холст красилась («квасились») в отваре двое суток.

Шерстяную ткань и пряжу в красный цвет окрашивали отваром корней подмаренника и толченой коры сибирской ольхи, предварительно заквасив коренья и кору¹⁵. Красный цвет получали также из травы чистотела, в народе называемой *кровянка*, и высушенной толченой березовой коры (*березовый дуб*). Толченую кору квасили в кадушках, туда же добавляли сок кровянки и в отваре красили холсты, которые приобретали цвет кумача. Без добавления кровянки березовая кора окрашивала ткань в светло- или темно-коричневый цвет. Березовую кору заготавливали весной, когда шло движение сока; ее сушили рядом с домом на досках. Когда требовалось что-то окрасить, то кору клали в чугунах, заливали водой, ставили в печь после затопки до вечера; затем остывший отвар цедили через решето в большой чугунах и в него клали ткань. На другой день,

¹⁴ Бромлей Ю. В., Всронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. № 5. С. 12.

¹⁵ Материалы Западно-Сибирской экспедиции. Тюменский отряд. Записи А. А. Лебедевой. 1971. Л. 60 // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

опять после затопа чугуна с тканью в березовом отваре ставили «парить» в печку для окрашивания¹⁶.

Желтую краску давали свечеподобная льнянка и отвар чистотела с добавкой квасцов. Из цветов лесной герани крестьяне умели получать желтую и синюю краски. Желтую краску получали также из листьев бессмертника (*иммортели*). Пучки бессмертника клали в сундуки и в чуланы, чтобы не заводилась моль: она боится иммортелей не меньше нафталина. Цветы бессмертника раскладывали на зиму между оконными рамами для украшения.

Издавна крестьяне, жившие в селениях по Иртышу близ Тобольска, помимо растительных, использовали минеральные природные красители, например, прибрежный ил, которым красили пряжу и холсты. Окрашиваемые предметы закапывали в ил на сутки или немного больше, затем полоскали, сушили. Ил окрашивал ткани и пряжу в стойкий черный цвет — «как галочка», говорили нам старожилы с. Абалак¹⁷. Недра Сибири дарили народу немало природных красителей, которые использовались в разных целях.

Народные умельцы знали и добывали минеральные краски. Историки искусств отмечают, что самобытность русских фресок, икон, книжной и стеновой росписи во многом обусловлена широкой палитрой минеральных красок (от золотых до темно-коричневых охр, цветные глины, мел, квасцы и др.). Зеленые краски различных оттенков получали из песков, синюю изготавливали из вивианита, а черную — из шунгита — минералов, которые отыскать было нелегко, но сибирские рудознатцы находили.

Используя покупные красители, крестьяне улучшали их качество, повышали стойкость тем, что разводили на хлебном квасе. Мастерицы-ткачихи, изготавливавшие по заказам пояса и опояски, мотки шерсти после окрашивания запекали в ржаном тесте в русской печке, а затем прополаскивали в холодной воде. После такой обработки краска прочно закреплялась — не выгорала до полного износа вещи.

Цветы лесного просвирника давали очень стойкую окраску шерсти в черный, синий, серый и фиолетовый тона в зависимости от концентрации отвара и добавок квасцов или купороса.

Оттенки коричневого цвета давали разные концентрации отвара толченой коры лиственницы и дуба; отвар коры или веток кустарника «краснопрутника» давал синий цвет, а с добавлением железа — черный¹⁸. Отваром из листьев черники также красили в черный цвет.

Высушенные и размельченные в порошок корни марены давали оттенки красной и малиновой красок. Корни марены копали по дубравам или собирали на пашне, когда боронили перелог. Их прополаскивали, сушили, толкли в порошок и делали отвар.

Превосходными красящими свойствами обладает зверобой продырявленный. С помощью зверобоя, собранного в начале плодоношения, окрашивали сукна и льняные ткани в красные, песочные и рыжие тона. Темно-желтую краску получали из шкурок семян гречихи, а светло-желтую — из шелухи лука. Пустырник дает темно-зеленую краску. Когда-то сибирские крестьяне натирали пустырником (свежим) сапоги — «для лучшего вида».

Четыре разных цвета (розовый, желтый, зеленый, коричневый) давал отвар веток багульника, в который добавляли в разной консистенции соль, квасцы, железо. В бежевый цвет окрашивали пряжу отваром сухой крапивы с добавлением квасцов.

¹⁶ Шукин Н. Быт крестьян Восточной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. 1859. Ч. 34. Кн. 2. С. 52; Макаренко А. О. О красильном искусстве у русских Енисейской губ. // Живая старина. Вып. 3—4. СПб., 1895. С. 351—352.

¹⁷ Материалы Западно-Сибирской экспедиции. Тюменский отряд. Записи А. А. Лебедевой. 1971. Л. 65 // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

¹⁸ Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Зап.-Сиб. ОРГО. Кн. 1. 1879; Павлов А. 300 верст по рекам Западной Сибири. Тюмень, 1878.

Корни горца змеиноного использовали для приготовления черной и желтой краски для окрашивания крестьянского сукна. Из корней спорыша готовили синюю краску под стать индиго.

Четыре краски давала крушина: неспелые высушенные и растертые в порошок ягоды давали ярко-желтую краску; спелые — зеленую; переспелые — ярко-синюю, а кора крушины — коричневую.

Красильщики издавна использовали для окрашивания тканей также корень ревеня.

С XVI в. известно приготовление черных чернил из галлов — наростов на листьях дуба (дубовые орешки) с добавлением железного купороса. Чернила из дубовых орешков очень стойкие, не боятся воды, не растекаются, легко сходят с пера, что подтвердили современные исследователи¹⁹.

Красильщики ценили золотую розгу (*золотарник*), позволявшую окрашивать ткани в желтый и коричневый цвета. Отвар василька употребляли для окраски в голубой цвет.

Природные красители дают стойкую окраску, что уже давно признано наукой. Чтобы получить светостойкий и долговечный материал, необходимы природные красители, и они применяются (кора крушины и дуба, ольховые шишки, ромашка, зверобой и др.) при реставрации росписей, старинных тканей, а сок чистотела используется при травлении и чернении металла.

Крестьяне хорошо знали и другие свойства растений, например дубильные. Кроме лиственницы, кора которой является хорошим дубителем, в Сибири использовался бадан. Кожевники особенно ценили дубильные свойства калгана, превзошедшего своими качествами корень ратании, ввозимый ранее из Южной Америки. Для дубления кож употреблялись: ивовая кора (*тальниковый дуб*), толокнянка²⁰, таволга, горец забайкальский и другие растения, свойства которых изучили на опыте русские Сибири. Известный исследователь народного быта русских Алтая С. И. Гуляев большое внимание уделил изучению местных растительных красителей и дубителей. Наибольший успех имел открытый им способ окраски овчин в черный цвет. Широко известные шубы-барнаулки окрашивались по методу, открытому Гуляевым, при котором овчины приобретали очень важные качества: они не грубели на морозе, не ломались, а промокнув, легко высушались и приобретали прежний вид. Это свое изобретение Гуляев бескорыстно передал местному шубнику, взяв с него слово, что тот будет продавать шубы недорого. Шубник скоро убедился в ценности изобретения Гуляева и понял, что оно сулит ему обогащение. Через месяц он принес Гуляеву три рубля и с поклоном просил принять за вычку²¹.

В Северном Приобье русские издавна переняли от аборигенов способы переработки дикорастущей конопли в волокно для изготовления сетей, веревок, ниток.

Удивительная наблюдательность сказывалась в правильном выборе растений и умелом их использовании. Русские переселенцы в Сибири, сохранив свое старое производящее хозяйство, оставшись земледельцами, смогли наилучшим образом приспособить его к новому природному окружению, дополнив земледелие активным собирательством.

На протяжении многих веков народ накапливал наблюдения и познавал природу; находил в ней лучшие лекарственные средства; приобретал опыт в использовании растений в пищу и для различных хозяйственно-бытовых надобностей. На территории Сибири русские, пришедшие из разных мест Европейской России, осваивали природу, используя опыт своих предков, а в ряде случаев перенимали опыт местного населения, с которым селились рядом. Одни наблюдения, не выдержав экзамена

¹⁹ Смирнов Н. По старым рецептам // Правда. 1984. 22 февраля.

²⁰ Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Фонд 777. Тиханова П. Н. Оп. 3. Д. 77. Землемер Лосев. Хозяйственное описание Иркутской губ. 1811 г. Л. 88.

²¹ Словцев И. Я. Степан Иванович Гуляев. Омск, 1891. С. 11.

временем, были преданы забвению, другие долгие годы пользуются большой и заслуженной славой. Богатый народный опыт в познании природы широко продолжает использоваться наукой. Человек должен поклоняться растению, от него он черпает все необходимое для жизни.

И. Я. Богуславская

О ВЯТСКОЙ СВИСТОПЛЯСКЕ

Город Вятка (ныне Киров) известен как родина прославленной дымковской глиняной игрушки. Этот народный художественный промысел неотделим от местного праздника Свистопляски или Свистульки¹, к которому приурочивали производство и массовую продажу глиняных игрушек и свистулук. Но если дымковская игрушка давно привлекает внимание исследователей народного искусства², то праздник Свистопляски до сих пор не вызвал должного интереса у этнографов. Исключение составляют лишь И. М. Снегирев и Д. К. Зеленин. Первый описал Свистопляску³, второй, проанализировав ее, считал «остатком времени язычества»⁴ и отметил ряд древних черт⁵. К сожалению, ни слова нет о Свистопляске и в новой интересной монографии А. Ф. Некрыловой, хотя автор пишет о городских народных праздниках и торговцах игрушками⁶.

Между тем местные вятские газеты на протяжении всего XIX и начала XX в. публиковали подробные описания Свистопляски. Эти описания не только могут служить важным источником для истории дымковской игрушки, но позволяют представить существо самого праздника и тех изменений, которым он подвергался на протяжении столетия. Таким образом, появляется возможность проанализировать характер и трансформацию Свистопляски в свете современных исследований народных обрядов.

Как и многое в народной культуре, связать происхождение Свистопляски с конкретным временем не представляется возможным. Существует легенда, по которой начало празднику положило так называемое «хлыновское побоище». Его подробно описали путешествовавший в 1770—1772 гг. по разным провинциям Российского государства капитан Н. П. Рычков и сосланный в 1811 г. в Вятку опальный генерал-майор Н. З. Хитрово⁷. По их сведениям, в XIV—XV вв. (в 1392, 1418, 1421 гг.) под укрепленными стенами Хлынова (старое название Вятки) собирались жившие в крае инородцы, чтобы взять город, основанный якобы пришельцами-новгородцами. Не надеясь на свои силы, жители Хлынова послали за подмогой к устюжанам. Устюжане пришли ночью, но не с той стороны, с которой их ждали. Не распознав в темноте друзей, вятчане перебили многих и только утром увидели ошибку: «Своя своих не познаша». В память погибших на месте побоища поставили часовню, а в ней деревянный крест. И с тех пор ежегодно в четвертую субботу после Пасхи устраивали здесь панихиду — поминание невинно убиенных. А после панихиды начинался праздник Свистопляски, в ритуал которого входило катание глиняных шаров с высокого берега р. Вятки вниз по Раздерихинскому спуску, кулачные бои, свист, песни и пляски, ставились бала

¹ *Деньшин А. И.* Вятская глиняная игрушка в рисунках. М., 1917. С. 12.

² *Игрушка, ее история и значение.* М., 1912. С. 62.

³ *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3. М., 1838. С. 62—64.

⁴ *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка. Путеводитель. Юрьев-Вятка, 1904. С. 145.

⁵ *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественно: смертью и русалки. Пг., 1916. С. 104—109.

⁶ *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 28.

⁷ Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 322, 323, 325—330.